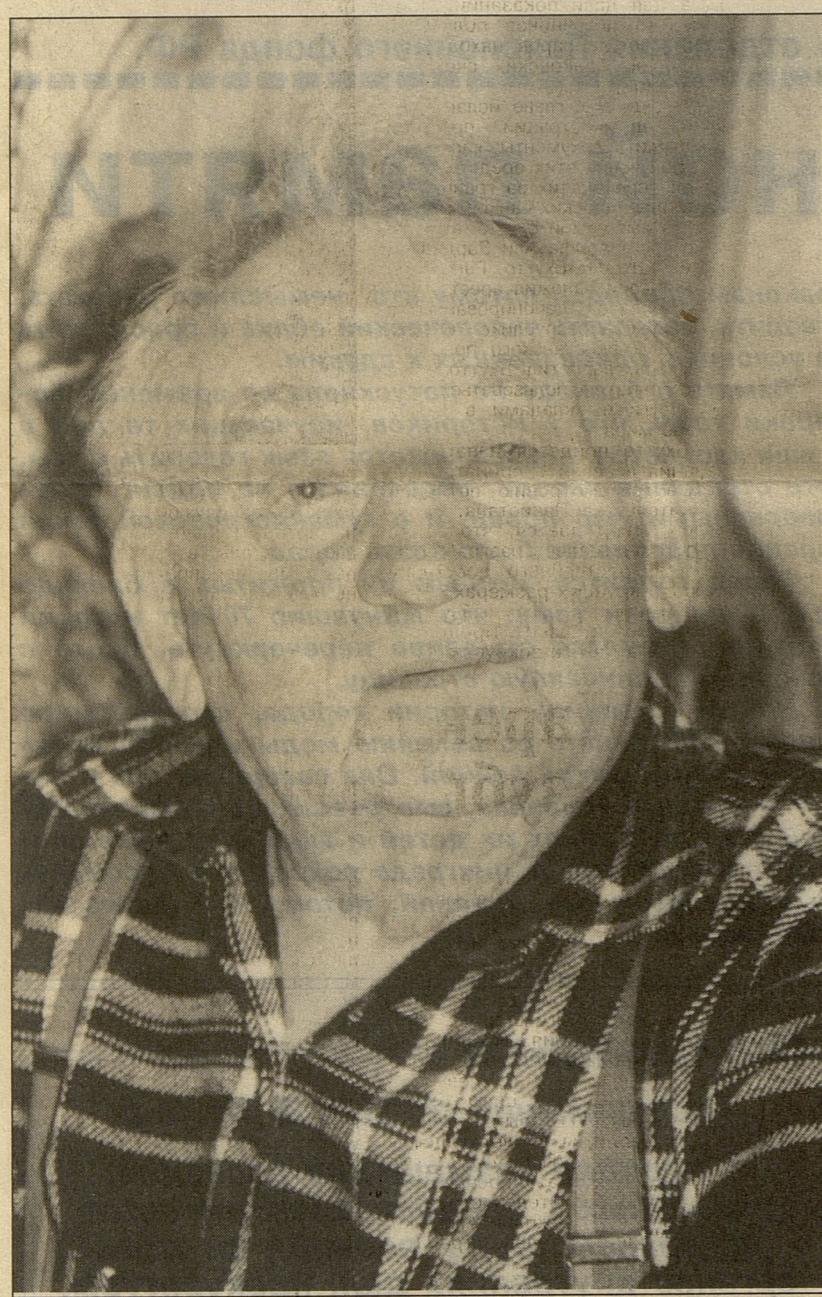

За мертвых обидно и перед живыми стыдно

Жизнь круто протащила его по своему извилистому руслу. И, как это часто случается с людьми, рожденными в глухие времена смуты, он, пожалуй, теперь и сам не скажет, в какой степени "путешествие" вышло удачным и успешным. Прожито — и точка. Ибо многое чего перевидал Степан Адамович Волосевич на этом свете — страшного и смешного, обидного и достойного, наивного и трагического...

Можно считать, наверное, что Волосевич повозил больше других: в 20-е его обшла стороной жестокая человеческо-сила Гражданской войны; потомственный обитатель бедной и темной Белорусской деревни, в 30-е годы сумел вырваться за круг традиционного уклада жизни и получил в Ленинграде образование, о котором прежде в семье никто не мог даже мечтать; он не был заклеймен "врагом народа" (хотя подбирались и нему), его миновали сталинские лагеря; наконец, в 1941 году он избежал отправки на фронт (если, конечно, Ижорский завод, где Степан Волосевич работал цеховым начальником, можно было считать тылом), не попал под фашистский снаряд, не умер от голода в осажденном Питере...

Многое — больше других, ибо, пережив на своем веку многих друзей и близких, он не пытается, как многие, играть роль человека, брошенного жизнью и забытого единомышленниками. И, дожив до глубокой старости, сохраняет трезвость ума и ясность воспоминаний. А еще — крепкий, неистощимый юмор, свойственный лишь людям, лишенным болезненного цинизма и чувства враждебности к окружающим...

Было время — он мог пойти по номенклатурной части. Но профсоюзный партийный Степан Волосевич, не стал. Высшее партийное начальство, недовольное "сомнительными контактами" Волосевича поставило на него номенклатурный карьеру большой и жирный крест (последние заключались в том, что Волосевич, тогдашний сек-

ретарь райкома комсомола, делил комната с опальным — при Сталине — соратником Феликсом Дзержинским, сосланным в провинцию на партработу).

Ему нельзя было оставаться более в Белоруссии, и он в буквальном смысле обжал в Россию, в Ленинград, где, кажется, никто, ни одна чиновничья душа не знала, что такой Степан Волосевич и какие там у него родные служебно-партийные неприятности. В Ленинграде Степан Волосевич выучился на инженера-металлурга. Уклонился от надвигающейся грозы. Или ему только казалось, что уклонился?

Некоторое время спустя, когда велел за убийством Кирова по стране покатится очередная волна арестов и расстреля, его вызывают на Литейный и припомнят близкое знакомство с местноважной "лидером террористической троцкистской группировки", с которым Степан Волосевич был дружен в детстве. В сценарии деятельности этой самой "группировки", составленном энкаведчиками на скромную руку, Волосевич значился связанным. Мне показалось, он и сегодня не может понять, как ему удалось выйти из "Большого дома" живым и свободным. Но ведь вышел же! Жизнь посыпалась Степану Волосевичу, приятное "исключение из правил". И надо признаться, таких исключений в судьбе Степана Волосевича было немало...

Война и блокада не совершили в его жизни героического перелома: он продолжал работать, как тогда требовали время, партия и правительство. Рассказывает он об этом буднично и просто — без парадокса, без слезы, без надрыва. Или воспоминания с годами эмоционально "остыли"?

Осенью 1941 года, когда фронт расположился буквально за стенами Ижорского завода и рабочие стали "по совместительству" солдатами-ополченцами, он много раз видел, как люди, окончив смену, разбирали из козел учебные винтовки и охотничьи ружья (настоящее боевое оружие было редкостью) и отправлялись на передовую. Тогда же, в декабре 41-го, война заставила Степана Волосевича стать "боронщиком" — термическая печь в его цехе была превращена в крематорий, где сжигали тела погибших. Это был первый крематорий блокадного Ленинграда...

В холодном, ледяном декабре 41-го на Ижорский завод приехал тогдашний командующий Ленинградским фронтом Федоринский. Он просил о помощи. В боях под Колпино наши войска несли тяжелые потери, а хоронить убитых у армии не было ни сил, ни времени. "Могут ли икорки помочь нам в этом?" — спросил командующий. Главный инженер завода Аверин ответил ему: "Попробуй!"

В цехе № 3, которым руководил (командовал?) Степан Волосевич, было две печи с выдвижным подом — в них производилась термическая обработка листовой бронзы. Печи, конечно, работали от случая к случаю — не хватало топлива, завод к зиме уже практически "встал". Волосевич предложил использовать одну из них для сжигания тел погибших. Мазут командалии фронтом "нашёл" в Ленинградском морском порту. Однако, для того чтобы форсунки печи заработали, требовался скатый воздух или пар, которых не хватало.

— В ту же ночь с фронта на завод пришла машина с труппами. Мы погрузили убитых в печь и включили форсунки. Оставшуюся после кремации золу остудили и пересипали в железные банки из-под карбита, а именные списки снесли в

первый (секретный) отдел... Некоторое время страшный груз так и стоял в цехе. Но машины с фронта приходили на завод чуть ли не еженощно, убитых было очень много, пока работала круглые сутки. Когда же самодельные урны стояли некуда ставить, их перенесли в траншею, открытую за стены механического цеха. Такие траншеи назывались щелями — в них рабочие завода прятались от фашистских бомб и снарядов...

Откуда в нем эта энергия, эта поразительная неуспокоенность, неравнущие к чужим судьбам? Эта почти детская уверенность, что все в жизни должно быть устроено "как положено"? В соответствии с христианскими и человеческими законами. Как будто факты его собственной судьбы и биографии ни разу не опровергали сего наивного гезиса. Как будто жизнь и власть ни разу не были его лицом об стол...

Человек старой, советской эпохи, Степан Волосевич не верит в Бога. Но для того чтобы оставаться честным перед самим собой и своей памятью, такая вера необходима...

— Нужно перезахоронить ребят, вернуть им имена. Родные, наверное, даже не знают, где их чада похоронены...

Степан Волосевич поднимается из-за стола, идет варить кофе, как будто давая понять, что "деловой разговор" окончен. Вслед за кофейными чашками на кухонном столе появляется душмистый мед — с его личной, персональной пасеки. Мед пахнет цветами и травами ушедшего лета, переливается разными оттенками. Способы нанесения на свету смоляных янтарных блесков... Дорога на пасеку не близкая — километров сорок на электричке. В девяносто лет не набегаешься. И все-таки...

— Человодству меня еще отец обучил. И я, признаюсь, давно о собственной пасеке мечтал. Купил участок с домом, умы поставил. Теперь вот на пенсии, сам себе и племянам хоромы. Челы — они как люди: душевногом отношения требуют...

Помочил, задумчиво постучал о стол черенком кафейной ложки:

— Ты вот что, про меня много пишут. Что люди не подумали: мол, распустила муhiки первы на старости лет, расхвасталась почем зря. Ты, главное, расскажи про тех солдат, что в безымянной траншее за цехом похоронены. А то ведь не красиво получается. Люди за Родину жизни отдали, а о них теперь и вспоминать некому. И за мертвых обидно, и перед живыми тоже стыдно...

Андрей ВЕРМИШЕВ

Фото автора

"Я пришла с войны в двадцать восемь лет"

Блокадные годы отводят все дальше в глубь времен. Поэтому сами слова "блокада", "блокадник", увы, все чаще ассоциируются не с трагедией и героизмом тех событий, а с какими-то собесовскими хлопотами, очередями, льготами. И все меньше остается людей, которые могут просто рассказать — часто уже правнукам — о пережитых нечеловеческих страданиях, о силе духа, которая помогла выстоять.

Одно дело — дежурное мероприятие в школе или в красном уголке. Другое — когда бабушка, родная, близкая, домашняя, вспоминает своей жизни. Правда, часто они вспоминают первую очередь очень скромно. И не потому, что память подводит. Просто воспоминания тяжелые. Мария Васильевна Сенина, которой за 80, говорит: "Не хочется об этом говорить. Страшно".

— Итак, вы стали поваром. Чем кормили солдат?

— Я рассказала, так вы не поверите. Потом — полегче стало, крупы появлялись, когда в наступление пошли. А сначала из муки клашки, одна мука. Закипячи воду, сделай такую болтушку и ложкой эти kleщики мучные клашки. И еще такие лепешки делала, вроде лапши, мы их "портняками" называли. А потом уже и крупы, и консервы иногда. Помню, в Красном селе наши сыр такой, в бочках, много сырка. Разделили как сухой пакет. Тяжело было. Когда пошли в наступление, хоть и на самой передовой была, все-таки хватило. Кто ранен, кто контужен, кто убит... Вечером кашу сварю, беру такие термосы большие, на тридцать — сорок человек, и тащу эту кашу на себе. Один раз ранена была, на права, легко. Но сейчас инвалидность у меня по общему заболеванию, ранение не считается. Но тут я сама виновата.

— Тогда же пошли в армию, что ни на есть "кизеней" — почти сразу же после того, как ее привезли в транспортную роту, был убит повар, и молодой женщины (склонившейся в блокаду обоих родителей и мужа) довелось кормить оборонявших город бойцов.

— Я как пришла в армию, сразу паек выдали, семьютко граммов хлеба. А старшина наш все повторял: девочки, только не ешьте сразу, нельзя. Теперь то все знают, что можно было просто погибнуть, если сразу съесть... А была совсем слабая. По лестнице к себе поднимавшаяся, чтобы не упасть, другую ногу на ступеньку переставляла. Так что армия меня от гибели спасла. До войны я работала на "Светлане", оттуда в дикрет ушла, а назад вернуться не успела. Дети умерли перед самой войной. Мне, как неработающей, полагались 125 граммов хлеба, между 250, он работал, был на заряженном положении на Балтийском заводе. И не выдержал голод, умер. Я вообще думаю, что женщины у нас сильнее, выносливее мужчин, все на нас держится.

(Во время блокады, говорит М. В., многие молодые женщины обнаруживали неполадки с

организмом, принимали их за беременность и в страхе бежали к врачу: ребенок сейчас, в это время — катастрофа... Помнил женщина-врача, которая гробовую упаковку выдавала девочкам: "Иши какая выяскались, живиши, что ли богато, есть дешево? Тоже мне, беременная нашлась... Собаки были следствием голода и холода..."

— Итак, вы стали поваром. Чем кормили солдат?

— Я рассказала, так вы не поверите. Потом — полегче стало, крупы появлялись, когда в наступление пошли. А сначала из муки клашки, одна мука. Закипячи воду, сделай такую болтушку и ложкой эти kleashiки мучные клашки. И еще такие лепешки делала, вроде лапши, мы их "портняками" называли. А потом уже и крупы, и консервы иногда. Помню, в Красном селе наши сыр такой, в бочках, много сырка. Разделили как сухой пакет. Тяжело было.

— И всегда смеялись. Один боец все: "Маша, война кончится, жененос на тебе!" Не могли не смеяться. Потому что вокруг страшное, хотелось это страшное от себя оттолкнуть, прикрыться. Как от бомбочек пытались укрыться. Едешь в грузовике, и начинают бомбить. Из машины выскошись, падаешь, прилечься под лист фанеры, под крышки от чемодана, какое там укрытие... Или зими привал. Хочется полежать, куда лечь — на снег? Лап еловых постелешь и ложишься. И костерок разожгешь греться. А не всегда и можно разожечь костер, или, быть, только загорелся — и тушить придется, лягет эти "рамы"...

— Потом уже столько стран прошли, не слышала ничего из-за контузии. Реву, реву, а доктор на меня как топтет ноги: "Успокойся, будешь слышать, будешь говорить". Молодая же была — я сойду с ума! И тут машина приехала из нашей дивизии, девочки наши, бойцы. Вот я и надумала сбежать из госпиталя, потому что не хотелось попадать в чужую часть, привыкать к новому коллективу, лучше со своими. Потом и спрашивали о ранении. Да ничего, и так пенсия не плохая. Я помню, отдохнула в подружкой, мечтала живыми прийти к работе. Только три года, как бросила работу. Затем вышла из армии.

— А потом, после войны?

— Хотела вернуться на "Светлану". Но в моих цехах уже брали только с десятилеткой, а у меня семилетка. У матери с отцом нас в семилетку было, пришло раненое из дикрета. И я, потом устроилась, работала. Только три года, как бросила работу. Затем вышла из армии.

— А почему, не хотела работать?

— Потому что я, вспоминая, что я сестра, я хотела работать, чтобы помочь матери. А я, вспоминая, что я сестра, я хотела работать, чтобы помочь матери. А я, вспоминая, что я сестра, я хотела работать, чтобы помочь матери.

— А почему, не хотела работать?

— Потому что я, вспоминая, что я сестра, я хотела работать, чтобы помочь матери. А я, вспоминая, что я сестра, я хотела работать, чтобы помочь матери.

— А почему, не хотела работать?

— Потому что я, вспоминая, что я сестра, я хотела работать, чтобы помочь матери. А я, вспоминая, что я сестра, я хотела работать, чтобы помочь матери.

— А почему, не хотела работать?

— Потому что я, вспоминая, что я сестра, я хотела работать, чтобы помочь матери. А я, вспоминая, что я сестра, я хотела работать, чтобы помочь матери.

— А почему, не хотела работать?

— Потому что я, вспоминая, что я сестра, я хотела работать, чтобы помочь матери. А я, вспоминая, что я сестра, я хотела работать, чтобы помочь матери.

— А почему, не хотела работать?

— Потому что я, вспоминая, что я сестра, я хотела работать, чтобы помочь матери. А я, вспоминая, что я сестра, я хотела работать, чтобы помочь матери.

— А почему, не хотела работать?

— Потому что я, вспоминая, что я сестра, я хотела работать, чтобы помочь матери. А я, вспоминая, что я сестра, я хотела работать, чтобы помочь матери.

— А почему, не хотела работать?

— Потому что я, вспоминая, что я сестра, я хотела работать, чтобы помочь матери. А я, вспоминая, что я сестра, я хотела работать, чтобы помочь матери.

— А почему, не хотела работать?

— Потому что я, вспоминая, что я сестра, я хотела работать, чтобы помочь матери. А я, вспоминая, что я сестра, я хотела работать, чтобы помочь матери.

— А почему, не хотела работать?

— Потому что я, вспоминая, что я сестра, я хотела работать, чтобы помочь матери. А я, вспоминая, что я сестра, я хотела работать, чтобы помочь матери.

— А почему, не хотела работать?

— Потому что я, вспоминая, что я сестра, я хотела работать, чтобы помочь матери. А я, вспоминая, что я сестра, я хотела работать, чтобы помочь матери.

— А почему, не хотела работать?

— Потому что я, вспоминая, что я сестра, я хотела работать, чтобы помочь матери. А я, вспоминая, что я сестра, я хотела работать, чтобы помочь матери.

— А почему, не хотела работать?

— Потому что я, вспоминая, что я сестра, я хотела работать, чтобы помочь матери. А я, вспоминая, что я сестра, я хотела работать, чтобы помочь матери.

— А почему, не хотела работать?

— Потому что я, вспоминая, что я сестра, я хотела работать, чтобы помочь матери. А я, вспоминая, что я сестра, я хотела работать, чтобы помочь матери.

— А почему, не хотела работать?

— Потому что я, вспоминая, что я сестра, я хотела работать, чтобы помочь матери. А я, вспоминая, что я сестра, я хотела работать, чтобы помочь матери.

— А почему, не хотела работать